

М. Руффинг

«САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ
МЫШЛЕНИЕ»
И «ПРАВДИВОСТЬ» —
РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЦЕТЕТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ
КАНТА¹

Автор статьи рассматривает вечно актуальные проблемы преподавания философии с позиции Канта. Философия — это, с одной стороны, незавершенная дисциплина, учение о недостижимой мудрости, а с другой стороны, законодательница разума. При этом указывается на то, что учить надо самостоятельному мышлению, т. е. философствованию, и метод философствования должен быть эстетическим, т. е. исследовательским. Знание может быть признано объективно рациональным, только если оно соответствует критерию сообщаемости. Автор делает акцент на правдивости, которой требует данный подход.

Die Autorin des Beitrags behandelt die ewig aktuellen Probleme des Philosophieunterrichts vom Kantischen Standpunkt aus. Einerseits ist die Philosophie eine in sich nicht abgeschlossene Disziplin, d. h. eine Lehre von der nie zu erreichenden Weisheit. Andererseits ist sie Gesetzgeberin für die Vernunft. Dabei wird es darauf hingewiesen, dass hier das Selbstdenken, d. h. Philosophieren zu lehren ist, und die Methode des Philosophierens ästhetisch, d. h. forschend sein soll. Eine Kenntnis kann nur dann als objektiv rational anerkannt werden, wenn sie dem Mitteilungskriterium entspricht. Die Autorin legt den Akzent auf die Wahrhaftigkeit, die diesem Vorgang zugrunde liegt.

Ключевые слова: эстетический метод, самостоятельное мышление, философствование, философское знание, «правила образа действия», «мировая мудрость», философия по школьному понятию, философия по мировому понятию, сообщаемость убеждений, правдивость

Практический философ — наставник мудрости учением и делом — есть философ в собственном смысле. Ибо философия есть идея совершенной мудрости, указывающей нам последние цели человеческого разума [4, с. 437—438].

В поле напряжения науки и гуманистически ориентированного образования, в русле философии Канта находится, в известной степени, сама философия, которая в его Введении в «Логик» определена как «рациональное знание из одних только понятий» [4, с. 437], или в «Критике чистого разума» — как «законодательство человеческого разума» [3, с. 1053]. Философия для Канта и, по

¹ Перевод с немецкого С. В. Васильевой, С. В. Щачина и А. Ю. Щачиной.

Канту, без сомнения, является наукой: ее научность, т. е. необходимая и всеобщая законность, основывается, как в чистой математике и чистом естествознании, на априорности. Содержательно и по своему «мировому понятию», как формулирует Кант, она есть наука «о последних целях человеческого разума» [4, с. 437], и это придает ей сравнительно с другими дисциплинами «абсолютную ценность», присущее ей достоинство [там же] — или, это «наука о высшей максиме применения нашего разума ... при этом под максимой понимают внутренний принцип выбора между различными целями» [4, с. 438]. Если же другой полюс этого поля напряжения — «гуманистическое образование» — обозначает процесс и результат педагогической практики — формирование человека до полного осуществления его человечности, гуманности, тогда становится понятным, что философствование как выражение спонтанной и одновременно родовой человеческой способности познания — разума — в антропологически-педагогическом контексте обладает выдающимся значением. Кант не был «теоретиком образования», тем не менее он выразил свои размышления о педагогике и дидактике, которые сегодня — возможно, даже более чем когда-либо — представляют особый интерес для изучения². О самом Канте — и не только по отзывам его слушателей — известно, что он применял эти размышления также и на практике: важное подтверждение этому — его *сообщение об организации лекций в зимнем семестре 1765/66 учеб. г.* (*Nachricht von der Einrichtung seiner Vorlesungen im Winterhalbenjahre 1765/66* [AA, II, S. 303—313]), в котором можно найти разработки так называемого эстетического метода, и сообщение о проведении подготовленных в соответствии с этим «новым методом обучения» лекций по метафизике, логике, этике и физической географии. Из данного текста видно, как серьезно Кант относился к своей деятельности в должности доцента: он не только ставил перед собой задачу информировать молодых людей о состоянии научных исследований в различных областях познания, но считал своим долгом содействовать развитию у своих учеников просвещенного, т. е. ясного понимания самих себя и мира в целом.

Предлагаемые размышления Канта о «дидактике философии» должны в какой-то мере способствовать прояснению позиции изучающих, а также преподающих философию по вопросу об осуществлении разума — укорененного в родовой спонтанности процесса, ведущего к развитию сущностного человеческого качества — гуманности. В русле поставленной цели, в первой части статьи будут разъяснены значение и необходимость самостоятельного мышления, которое является условием и вместе с тем выражением философской науки. Отсюда вытекает дидактическая концепция, которую Кант называет эстетическим методом; она представлена во второй части статьи. В заключительной части сделана попытка опираясь на Канта показать, что при передаче философских знаний, равно как и при побуждении к философствованию, от преподавателя требуется моральная цельность, и рассмотреть, насколько обосновано это требование — это может быть продемонстрировано с опорой на понятие правдивости, допускающее нетеологическое истолкование.

1. Философствование как самостоятельное мышление

«Введение в логику» содержит известную кантовскую попытку определения философии с позиции ее деления на философию по школьному и мировому понятиям (на этом вопросе автор статьи подробнее останавливается в

² Здесь в особенности надо сослаться на статью [2].

третьей части). В заключение там лаконично сказано: «Вообще нельзя назвать философом того, кто не может философствовать. Философствовать же можно научиться только благодаря упражнениям и самостоятельному применению разума» [4, с. 438]. Из интересных для занимающихся философией размышлений Канта следует, что в рамках определения как предмета, так и философии в целом, т. е. согласно ее как школьному, так и мировому понятиям, речь идет о философствовании, в чем можно упражняться и чему можно учиться. «Философия», в смысле уже осуществленного философствования и его результатов, нельзя научиться «уже по причине того», говорит Кант, «что таковой *ещё не существует*» [4, с. 439]. Но даже в том случае, если бы была обязательная философия, она не сделала бы тех, кто ее изучает, философами: «Истинный философ как самостоятельный мыслитель должен применять свой разум свободно и оригинально, а не рабски подражательно» [4, с. 439]. Поэтому имеющиеся философские системы должны рассматриваться их изучающими как «история применения разума и как объект для упражнения своего философского таланта» [там же].

Для занятий философией, имеющих целью развитие самостоятельного мышления, существенно то, что «подлинное» философствование порождает знания разума, т. е. знания *ex principiis*, а не воспроизводит исторические знания *ex datis* (эти знания Кант противопоставляет друг другу). Можно, однако, допустить, что продукты чужого разума репродуцируются собственным, то есть в собственном мышлении, — но тогда из первоначально объективно и субъективно рациональных знаний через только лишь подражающее употребление разума они становятся субъективно историческими знаниями, а последние Кант более не характеризует как философские. Итак, о самостоятельном мышлении речь идет только тогда, когда объективно рациональное, обоснованное посредством мышления, а не эмпирическим путем, понимание произведено также субъективно рационально, т. е. на основе самостоятельного свободного употребления разума; только тогда можно говорить о философском знании. При этом содержание не имеет решающее значение, здесь речь вполне может идти также о знании, которым уже обладают или могут обладать другие, что не умаляет ценности субъективно рационального знания. Ведь философское знание не приобретается как достояние, которое я после приобретения могу назвать своим собственным³; оно возникает и существует в осуществлении рефлексии как таковой, или говоря словами Канта: в процессе самостоятельного использования разума, в самостоятельном мышлении или философствовании.

Из этого следует, что метод получения такого рода знания заслуживает особого внимания. Знания приобретаются на основе принципа, который должен гарантировать, что он, во-первых, в качестве [условия] метода может быть применен ко всем содержаниям («философия касается всего»⁴ [4, с. 436—437]), во-вторых, соответствует характеру философствования как субъективно и объективно рационального познания и, в-третьих, может сообщаться, т. е. ему можно обучить и научиться. В связи с этим Кант заканчивает

³ Можно было бы спросить, не так ли обстоит дело и с любым, то есть не только философским, знанием? Но тут следует возражение, что в естественнонаучных исследованиях имеется общепринятая практика обладания их результатами, патентации, продажи последних и т. п.

⁴ На наш взгляд, более точный перевод данного места — «философия распространяется на всё». — *Прим. пер.*

рассматривавшийся здесь третий раздел Введения в свою работу «Логика» (посвящённый «понятию философии») следующим замечанием: «Итак, для навыка к самостоятельному мышлению или философствованию нам следует обратить внимание больше на *методы* нашего применения разума, чем на сами положения, к которым мы пришли с помощью этих методов» [4, с. 439].

2. Цететический метод по Канту

Понятие «цететический» Кантом употребляется очень редко; в двух его размышлениях о метафизике⁵ оно противопоставляется «догматическому» — в том значении, которое это понятие имеет также и в «Сообщении», только там оно соотнесено с методом и объясняется, по Канту, как способ деятельности по принципам.

Сообщение о лекциях 1765/66 учебного года содержит четко выраженное понятие цететического метода, а именно это сообщение (выходящее за рамки непосредственной программы занятий, в некоторой степени, междисциплинарное) об изменившемся «понятии о способе преподавания» [AA, II, S. 313]. Эти слова требуют более подробного разъяснения.

Согласно Канту, каждое занятие должно соответствовать «естественному прогрессу человеческого познания», который происходит следующим образом: сначала формируется рассудок: исходя из опыта, он постепенно «достигает наглядных суждений, а через них понятий» [AA, II, S. 305]; на основе работы рассудка разум располагает понятия в причинные взаимосвязи; и только после этого возможна наука, в процессе того, как благодаря знаниям из независимых от опыта принципов возникает «упорядоченное целое». Для педагогического процесса, равно как и для учителя, это означает, что сначала необходимо «обращивать» *рассудительного* [*der verständige*], потом *разумного* [*der vernünftige*] и, наконец, *ученого* [*der gelehrte*] человека (здесь дано словоупотребление Канта, ср. [AA, II, S. 305]). Итак, учитель должен учить этот естественный процесс развития человеческой способности познания; отсюда следует адекватный метод преподавания, обозначенный Кантом понятием «правила образа действия» и описанный следующим образом: «Правила образа действия таковы: прежде всего надо обнаружить рассудок и ускорять его рост, упражняя в опытных суждениях и сосредоточивая внимание на том, чему могут научить его сознание [Sinne] эти сопоставленные ощущения. От этих суждений или понятий к более высоким, удаленным нельзя предпринимать отважный прыжок, но их необходимо достигнуть пока по естественной и проторенной тропе более низких понятий, которые постепенно поведут его дальше; и всё это в соответствии с той способностью рассудка, которую должны были не-

⁵ Reflexion 3957, M XXXXVIII, [AA, XVII, S. 365]; Reflexion 4455, [AA, XVII, S. 558].

Прим. переводчиков (основанные на разъяснениях самого автора): под «размышлениями» (Reflexionen) о метафизике здесь понимаются фрагменты из рукописного наследия Канта, посвящённые различным темам, которые при работе Прусской академией наук над академическим изданием Канта были помещены с 14-го по 19-й тома издания и пронумерованы, а также издателем в некоторых местах им были присвоены буквенные обозначения. Ссылка как раз и указывает на то, что речь здесь идёт о размышлениях (рефлексиях) о метафизике, обе — из 17-го тома, только первая относится к № 3957, и она испытала дальнейшее членение — ей ещё вдобавок была присвоен порядковый номер, описанный данными M XXXXVIII, и находится она на с. 365 данного тома; а второе размышление имеет порядковый номер 4455 без дальнейшего членения, и находится она на с. 558.

обходимым образом произвести в нем предшествующие упражнения, а не с той, которую ощущает в себе или думает, что ощущает, учитель, и которую он также ошибочным образом предполагает у своего слушателя. Короче, он должен учиться не *мыслям*, а *мыслить*; его нельзя *вести*, но им необходимо *руководить*, если хотят, чтобы он в будущем приобрёл умение *пойти самостоятельно*» [АА, II, S. 306].

Формирование низших сил ума — чувственного ума [Sinne], воображения, памяти — начинается и совершается главным образом в детстве благодаря родителям и начальным образовательным учреждениям. Высшие силы ума — рассудок, способность суждения, разум — развиваются в течение всей жизни, и этому должны способствовать приведенные выше правила, при этом совершенно независимо от какого-либо учебного материала. Ведь способность понимать может возрастать и совершенствоваться только через упражнение, но лишь самостоятельное осуществление понимания ведет к цели: ученик «должен учиться не *мыслям*, а *мыслить*».

Вышеизложенное имеет силу для всех областей науки и ведет к научному познанию вообще; но в совершенно особой мере оно требуется в философии, так как в противоположность другим наукам, которые обладают, полностью или преимущественно, исторической природой (Кантом, например, названы природоведение, языковедение и позитивное право), философии в материальном отношении недостает «общепринятого масштаба» [АА, II, S. 308]. Это связано с тем, что философия не является завершённой дисциплиной и, как предполагается, также никогда ею не станет (могли бы добавить мы, спустя 200 лет после смерти Канта; сам он ни в коем случае не делал прогнозов, но исходил из фактической ситуации своего времени). Ведь философия не располагает *учебным материалом* в собственном смысле слова: ни собственный опыт, ни чужие свидетельства, ни что-либо данное в действительности, что, как говорит Кант, «следует воспринимать как имеющееся про запас и что будто бы необходимо только усвоить» [АА, II, S. 307], не ведет к «завершённой» философии. Для ученика это означает, что он не может «учить философию» как другие дисциплины — он должен учиться философствовать: «метод, побуждающий к *самостоятельным* размышлениям и выводам — это и есть то, в рамках чего ученик стремится овладеть навыками на самом деле» [АА, II, S. 307]. Результат обучения состоит, следовательно, не в содержательных определениях, которые усваиваются памятью и снова могут быть востребованы в будущем, но в осуществлении мышления как такового. Этому осуществлению мышления нельзя непосредственно обучить, но оно происходит спонтанно в процессе самостоятельной деятельности благодаря упражнениям в соответствии с методически правильным образом действий. Для учителя это означает найти и применять — во времена Канта новый — собственный и подобающий философии метод, который направит ученика на путь философствования, т. е. самостоятельного мышления; ведь «книги мудрости», обязательной настольной книги, на которую можно было бы сослаться, не существует. Об этом методе, который направлен на самостоятельное мышление, сказано: «Особенный метод преподавания мировой мудрости является *ц е т е т и ч е с к и м ... т. е. и с с л е д о в а т е л ь с к и м ...*» [АА, II, S. 307]⁶.

Этим уже дан косвенный ответ на вопрос о том, что же следует искать и исследовать в философии: саму мудрость, к которой можно приближаться,

⁶ Цететический — от греческого слова «zetein» — искать, исследовать.

цететически философствуя. Как идеал, она остается объективно недостижимой; субъективно — соответствует беспрестанному поиску в постоянном, никогда не завершающемся совершенствовании способностей разума. В «Антропологии» имеется определение мудрости как «идеи законосообразного полного практического применения разума»⁷ [2, с. 250]. Далее там сказано, что обладать так понятой мудростью значило бы требовать от человека слишком много. Или, в *Opus postumum*: мудрость «не есть атрибут человека» [AA, XXI, S. 130]. Однако, само собой разумеется, что к ней необходимо стремиться как к идеалу постоянного и совершенного употребления разума. В ходе этого процесса приближения становится понятным, что разум изучает сам себя и свое собственное законодательство, и благодаря этому он становится способным к критике самого себя в теоретическом и практическом отношениях. Он осознает свои «конечные цели».

Правильно понятый и соответствующий способности ума вид обучения, как его представляет Кант, предполагает, таким образом, понимание того, что философствование заключается в поиске «мировой мудрости», когда путем систематического и методического действия «разыскивается» знание о конечных целях человеческого разума. Это — и содержание науки «философия» и, с другой стороны, цель любой науки вообще: «Ибо наука имеет внутреннюю истинную ценность лишь как *орган мудрости*» [4, с. 439]. Для философа в положении преподавателя это означает, что он сам должен предварительно исследовать: «1) источники человеческого знания, 2) объем возможного и полезного употребления всего знания и, наконец, 3) границы разума» [4, с. 438]⁸.

Это очень высокое требование. В философии особым образом переплетаются функции академической деятельности, называемые сегодня «обучение» и «исследование». Философское образование имеет только одну цель: на основе максимально развитой деятельности разума активизировать спонтанность высшей познавательной способности человека как разумного существа. Этой цели служит историческая философия, другими словами: «материал» философии не есть самоцель, но прокладывает так называемую «проторенную тропу» (ср.: [AA, II, S. 305]) на пути от восприятия, понимания и суждения к самостоятельному мышлению, т. е. философствованию. Соответственно, это — не *содержания* как таковые, которые могут сообщаться в философском учении, а поиск таких содержаний, которые обладают наибольшей необходимостью и всеобщностью, а они есть обоснованные критерии науки. Короче говоря, *обучение* философии сообщает сознание «незавершенной» дисциплины, которая лишь в исследовании наилучшим образом соответствует самой себе. Таким образом, исследование — это не только предпосылка для адекватного преподавания, но одновременно его метод. Цететическое философствование означает постановку проблемных вопросов, систематически-критический пересмотр уже найденных ответов; впрочем, конечная цель исследования подобного рода выходит за рамки каждого из найденных ответов и имеет целью развитое понимание себя и мира разумным существом — человеком.

Таким образом, то, что представляли докритические лекции 1765/66 учеб. г. как новый вид обучения, может также служить программой критицизма, окончательное преодоление которого еще предстоит. Если

⁷ Более точно было бы перевести: «Идеи законосообразного совершенного (vollständige) практического применения разума». — *Прим. пер.*

⁸ Ср. высказывания Канта в связи с четырьмя знаменитыми вопросами, которые характеризуют «поле философии» по мировому понятию, на этой же с. 438 «Логики».

Opus postumum свидетельствует, что Кант стремился всем своим философским творчеством к систематической цельности как к конечному результату — что он считал возможной охватывающую как физику, так и метафизику систему как выражение высшего проявления человека, мира и Бога, — то Opus postumum подтверждает также и провал этого проекта. Но последнее ни в коем случае не умаляет значения и актуальной релевантности кантовской программы для научного философствования, посредством осуществления которого — и только посредством это — философствующий может получить ясное (т. е. «просвещенное») понимание своего человеческого бытия. Профессионально исследующий (стетически философствующий) приходит в конечном итоге к выводу, согласно которому он может и должен способствовать «развитию мирового блага», обучая, в том числе и на историческом материале, упражнению в самостоятельном мышлении.

Из этого следуют заключительные для данного раздела размышления: самопонимание разумного существа немислимо без человеческого бытия других, к которым я всегда уже должен иметь какое-либо отношение, оно подразумевает причастность к родовой сущности и основано, таким образом, на практической способности разума. В практическом отношении самостоятельному мышлению соответствует специфический образ мыслей или позиция, которая подтверждает и гарантирует его подлинность, — это правдивость. Данная взаимосвязь обоснована в следующем третьем разделе.

3. Самостоятельное мышление и правдивость

Сначала необходимо еще раз рассмотреть ту особенность научной философии в кантовском понимании, которая делает философа «законодателем разума» [4, с. 437]; ср. с: [3, с. 1053]). В контексте Введения в работу «Логика» Кант определяет конечную цель философствования: как упоминалось в начале статьи, он различает при этом философию по школьному и мировому понятиям. В первом смысле философия нацелена на спекулятивное знание, которое должно способствовать, насколько возможно, житейскому уму и умению. Возникший таким образом «запас знаний разума» упорядочивается систематически и согласно идее целого. Для этого разуму, применяемому на практике, даются правила, которые служат достижению каждой — в некотором смысле — любой поставленной цели. Результатом такой, понятой по школьному понятию, философии является учение об умении. Об этом не может быть и речи в философии по *мировому* понятию, ибо она действует в процессе поиска «мудрости» стетически, — тем, что она задается вопросом, способствует ли, и насколько, приобретенное знание, равно как и знание, которое должно быть приобретено, конечной цели разума; то, что является постоянным в философии, фигурирует как «учение о мудрости», поскольку речь идет о принципах, доступных обучению, она есть «законодательница разума» [4, с. 437]. Итак, здесь речь идет не об ориентированных на цели гипотетических правилах для искусного употребления разума, а о его внутреннем законе как таковом, который значим категорически. Философ, в то время как он «находит» сознание закона и «открывает» его другим, становится тем самым, по Канту, «законодателем» разума [там же].

На этом фоне можно конкретизировать задачу философа посредством высказываний Канта об истинности в тексте «О мнении, знании и вере»⁹ —

⁹ При этом я ссылаюсь на соответствующие места из «Учения о методе» из «Критики чистого разума», третий раздел главы второй о каноне чистого разума: [3, с. 1029—1043].

третьем разделе главы второй трансцендентального учения о методе «Критики чистого разума» — следующим образом: философ должен заботиться о том, чтобы субъективные причины суждения были отличимы от объективных оснований, посредством того, что он обнаруживает «ошибочное принятие неверного за правильное»: «так мы разоблачаем видимость и больше уже не обманываемся ею» [3, с. 1031], разъясняет Кант. Другими словами, мнения должны отбираться, убеждения проверяться по критериям сообщаемости и понятности для других, — только на этом основании возникает то, что мы можем назвать объективным знанием.

В соответствии с этим в философствовании, т. е. в поиске независимого от опыта разумного познания, происходит соотнесение проблематических суждений с *истинной*: подлинность положения проверяется по достаточности его законности. Если мыслящий *убежден* в правоте своей точки зрения, Кант говорит о субъективной достаточности. Только если достаточная подлинность мысли доказуема, т. е. точка зрения существует с достоверностью, можно говорить о «знании».

Проверка того, считается ли некое положение истинным с уверенностью, происходит по критерию того, что оно должно быть сообщасмо, или, как это выражено у Канта: в сообщасмости заключается возможность «считать, что его истинность может быть значимо для всякого человеческого разума» [3, с.1029]. Собственное убеждение имеет, таким образом, *только в том случае* нечто большее, чем «частную значимость», если удастся сообщить чужому разуму законные для самого себя основания, если они могут стать доступными чужому разуму. Ведь тогда, по Канту, может быть, по меньшей мере, оправданным предположение, что соответствие с суждением базируется, «несмотря на различие субъектов между собой ... на общем основании, а именно на объекте» [там же], посредством чего может быть выявлена истинность суждения. А это означает не что иное, как то, что как субъективная, так и объективная истинность являются обоснованными и приобретают в отношении суждения достоверность [ср.: 3, с. 1031—1032]. Голым мнениям, которые не проверены или не сообщасмы и определяются как субъективно и объективно недостаточная истинность, не место в философии: «В суждениях чистого разума *мнения* вообще недопустимы» [3, с. 1033].

Последний аспект, который существенен для нашей тематики о приемлемом методе философского преподавания, касается, таким образом, сообщасмости убеждений. Как раз это в конечном счете определяет содержательно процесс обучения философствованию: полемика собственного разума с убеждениями чужого разума и поиск объективного основания потенциального совпадения. Этот процесс затрагивает как обучающихся, так и обучающих, кому преимущественно отводится коммуникативная функция, кто, говоря словами Канта, закладывает «пробный камень истинности», сообщасмость суждений и мыслей.

Для педагогов именно эта задача связана с их собственным разумным самопониманием, а именно — в практическом отношении. Здесь можно говорить о моральном измерении обучения, так как представление на утверждение суждений, которые являются выражением убеждения, их предварительная обработка и растолкование для чужого, еще нетренированного, разума могут быть совершены «достойным философии» образом только в том случае, если обучающий удовлетворяет требованиям долга правдивости. В параграфе 9 «Учения о добродетели» [5, с. 822—825], «О лжи», в связи с «передачей мыслей» Кант говорит о правдивости как долге перед самим собой: «Человек как

моральное существо (*homo noumenon*) может пользоваться собой как физическим существом (*homo phaenomenon*), но не просто средством (как говорящей машиной), которое не было бы связано внутренней целью (сообщением мыслей); он связан условием соответствия объяснению (*declaratio*) морального существа и обязан быть *правдивым* перед самим собой» [5, с. 824]. Это относится к каждому человеку как разумному существу, так как он всегда есть также и моральное существо, — насколько же больше внимания на долг правдивости надлежит обращать тем, кто профессионально занимается «сообщением мыслей»?

В максимах, которые Кант в «Антропологии...» называет предписанием, приближающим к мудрости, самостоятельное мышление и правдивость совпадают. Это значит: «1) мыслить самостоятельно, 2) мыслить себя (в общении с людьми) на месте другого, 3) всегда мыслить в согласии с самим собой¹⁰» [2, с. 250]. Эти максимы находятся в прямой связи с тем, что каждый обязан перед самим собой рассматривать себя самого и каждое другое лицо как части «разумной природы», которая существует только как цель сама по себе. Таким образом, мыслить себя в общении с людьми на месте другого или мыслить согласно с самим собой всегда есть главные максимы «учителя мудрости», — каждого, кто учит других философствовать, — который проверяет субъективную истинность на ее объективную пригодность, а также потенциальную содержательность своих знаний. В процессе этого он осознает в себе долг честности, которую Кант определяет как «*правдивость* в объяснениях» [5, с. 823], так как она соответствует закону разума поступать так, чтобы «*ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели*» [6, с. 169]. Философ как «законодатель разума» знает о своем долге правдивости в сообщении мыслей, без которого невозможны ни субъективная уверенность, ни объективное знание о познаваемом предмете. Правдивость в философствовании означает — признавать несовершенство, незавершенность дисциплины. Согласно Канту, без правдивости учитель злоупотребляет «доверием простого существа» [AA, II, S. 307]; в схожем контексте значит, что молодежь обманывают «необоснованным утверждением об уже завершённой мировой мудрости ... из чего возникает иллюзия науки, которая только в определенном месте и среди определенных людей считается подлинной монетой, но повсюду обычно пользуется дурной славой» [там же]. Короче, кто без правдивости учит философии, лжет; он не вносит вклад ни в науку, ни в образование. Благоразумие разума, который подвергает себя критике в теоретическом и практическом отношении, порождает эстетический метод как метод адекватного философствования, в котором исследование и преподавание как ни в какой другой дисциплине взаимно обуславливают друг друга.

При условии, что мы всерьез принимаем Канта, мы понимаем: тем, кто считает себя философом и находится в «поле напряжения между наукой и образованием, когда они хотят «содействовать мировому благу», отводится не совсем легкая, но и не совсем незначительная задача, — ведь если «наука» должна ставить себе вопрос, в какой мере она служит человечеству, то должен быть сначала кто-то, кто не перестает задавать себе этот вопрос и не выдает конечную цель мировой мудрости за мнимый нейтралитет исследования, который не будет практической данностью, пока есть люди, которые исследуют.

¹⁰ Другой вариант перевода последней фразы: «каждый раз мыслить так, чтобы одна мысль не противоречила другой». — Прим. пер.

Список литературы

1. *Malter, Rudolf*. Philosophieunterricht nach zetetischer Methode. Gedanken zur Didaktik der Philosophie im Ausgang von Kant. In: Zeitschrift für Didaktik der Philosophie (Stuttgart) 3, 1981. S. 63—87.
2. *Кант Иммануил*. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 2002.
3. *Кант Иммануил*. Критика чистого разума // Кант Иммануил. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 2006. Т. 1.
4. *Кант Иммануил*. Логика // Кант Иммануил. Трактаты. СПб.: Наука, 1996.
5. *Кант Иммануил*. Метафизика нравов // Кант Иммануил. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999.
6. *Кант Иммануил*. Основоположение к метафизике нравов // Кант Иммануил. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 2006. Т. 3.

Об авторе

Руффинг Маргит — ведущий научный сотрудник Международного Кантовского исследовательского общества при философском семинаре университета Майнца им. Иоганна Гуттенберга, редактор журнала “Kant-Studien”, kant@uni-mainz.de.